

УДК 343.98

DOI 10.25688/2076-9113.2018.32.4.09

С.Н. Чурилов

О новом учении в системе частных криминалистических теорий

Статья посвящена инновационному теоретическому образованию в системе частных криминалистических теорий — учению об универсальном методе судебного исследования преступлений, являющемся, по мнению автора, учением первого порядка по отношению к учению о криминалистической версии и планировании судебного исследования. Рассматриваются вопросы соотношения этих учений.

Ключевые слова: универсальный метод судебного исследования; криминалистическая версия; планирование; соотношение.

Тенденция количественного и качественного роста криминалистических знаний, вызванная интерпретацией отдельных философских положений в криминалистической науке, стала отчетливо проявляться с середины XX столетия. В этом отношении наглядным примером служит теория отражения, которая на фундаментальном уровне объяснена Р.С. Белкиным применительно к различным проблемам общей теории криминалистики. Данная тенденция сохраняет свое значение до настоящего времени и играет позитивную роль в развитии этой теории.

Одним из заметных ее проявлений явилась теоретическая разработка общего (универсального) метода расследования преступлений на основе ленинской философской формулы познания: «От живого созерцания к абстрактному мышлению и от него — к практике». Учение о данном методе, по мере пополнения его новыми научными положениями, постепенно стало приобретать очертания самостоятельного частного криминалистического учения как нового элемента общей теории криминалистики.

Зарождение и становление учения об общем методе расследования, а в перспективе — учения об общем методе судебного исследования преступлений, обуславливает исследование проблемы соотношения данного учения с другими существующими теоретическими образованиями, входящими в систему частных теорий криминалистики, в частности с учением о криминалистической версии и планировании судебного исследования преступлений.

До появления в криминалистической науке учения об общем методе судебного исследования учение о версии и планировании занимало в системе частных криминалистических теорий самостоятельное место в качестве учения первого порядка. Теперь же оно естественным образом утрачивает этот свой

статус, ибо образующие его научные положения являются элементами более общего по отношению к нему учения — учения об указанном методе. Учение об общем методе судебного исследования, выполняя роль учения первого порядка, образует в системе частных криминалистических теорий новые связи и отношения, что в конечном счете повышает стабильность всей этой системы. Изменение статуса учения о версии и планировании в системе частных криминалистических теорий не умаляет значения его научных положений и рекомендаций для расследования и судебного разбирательства по уголовным делам. Наоборот, в структуре общего метода судебного исследования вопросы версии и планирования, занимая в функциональном отношении строго определенное место, поддаются более детальному осмыслению с точки зрения достаточности их разработки.

Учение о криминалистической версии и планировании, которое, в нашем представлении, занимает подчиненное положение по отношению к учению об общем методе судебного исследования, имеет свою историю.

В отечественной криминалистической литературе первые научные положения и рекомендации по выдвижению гипотез в виде умозаключений при работе с доказательствами и планировании расследования обнаруживаются в работах В.И. Громова [7]. Говоря о логике процесса расследования, он называл индуктивный и дедуктивный методы вероятных суждений. Любая гипотеза о возможном существовании того или иного факта, выдвинутая при расследовании преступления, должна удовлетворять, по его мнению, определенным требованиям: 1) она должна основываться на имеющейся информации, хотя бы и на минимальной о расследуемом событии; 2) она не должна противоречить фактам, логически возможным в определенных условиях; 3) она может быть проверена в ходе расследования. Построение гипотез рассматривалось им в качестве логической основы планирования расследования.

Подчеркивая логическую природу гипотезы, В.И. Громов не считал ее элементом плана расследования. В учебнике 1935 г. гипотеза, именуемая уже версией, также рассматривается в качестве основы планирования, не образующей содержание плана расследования по уголовному делу. План расследования, по мнению авторов этого учебника, составляет перечень следственных действий. Но процесс работы по составлению плана расследования определялся следующим образом: 1) оценка собранного материала; 2) определение возможных версий; 3) формулирование вопросов, подлежащих выяснению при проверке версий; 4) определение следственных действий, которые нужно произвести для выяснения этих вопросов; 5) определение сроков производства этих следственных действий [11: с. 143–144].

Аналогичные взгляды на логический процесс работы следователя по планированию расследования высказаны С.А. Голунским в учебнике по криминалистике 1938 г. [12: с. 341–342]. Кроме этого, им изложены основные принципы планирования [12: с. 329–337]. Таким образом, анализ работ прошлых лет показывает, что их авторы неразрывно связывали вопросы выдвижения версий

с положениями и рекомендациями по планированию расследования. Разработка версий считалась логической основой планирования, но не элементом плана расследования [17: с. 76].

Данные положения о версии и планировании относились только к деятельности по расследованию преступлений, формировались преимущественно на основе эмпирических обобщений данного вида деятельности, но уже в тот период времени закладывался фундамент самостоятельного криминалистического учения — учения о версии и планировании расследования.

В дальнейшем содержание данного учения пополнялось новыми положениями, отражающими взгляды авторов на понятия следственной версии и планирования расследования, классификацию версий, правила их построения и проверки, принципы планирования. По мере разработки тактики судебного следствия учение о следственной версии и планировании расследования постепенно трансформировалось в учение о криминалистической версии и планировании судебного исследования.

С возрастанием интереса криминалистов к проблеме построения и проверки версий высказывались предложения об изучении версии в рамках самостоятельного криминалистического учения. Так, А.А. Пионтковский писал: «Хотя планирование тесным образом связано с выдвижением версий, однако по своей природе выдвижение следственных версий как орудия познания объективной истины является самостоятельным и одним из ответственных этапов следственной работы» [13: с. 28]. Г.Н. Александров в этом плане пошел еще дальше. Возражая против включения версии в план расследования в качестве его элемента, он писал о необходимости создания самостоятельного специального раздела криминалистики — учения о версии [2]. Данные предложения не получили поддержки у большинства авторов, которые по-прежнему утверждали, что процесс выдвижения и проверки следственных версий — единый процесс, который нельзя разделить на две части, отнеся к первой саму версию как предположение о существовании определенных фактов, а ко второй — планирование путем выведения из нее следствий и их проверки [10: с. 165; 5; 6: с. 151]. Поэтому теория версии и теория планирования до настоящего времени рассматриваются в криминалистической науке как целостное теоретическое построение.

Не затрагивая здесь понятийный и классификационный аппарат данного учения, ибо рассмотрение этих вопросов выходит за рамки темы настоящей работы, попытаемся определить, действительно ли необходима совместная разработка вопросов версии и планирования в рамках единого учения — учения о криминалистической версии и планировании судебного исследования, — если учитывать, что эти вопросы являются элементами более общего по отношению к ним теоретического построения — учения об общем методе судебного исследования преступлений.

Прежде чем ответить на этот непростой вопрос, считаем целесообразным обратить внимание на позицию Р.С. Белкина, которую он занимал относительно данной проблемы. В обоснование необходимости разработки единого

учения о криминалистической версии и планировании судебного исследования он привел следующие аргументы. «Само по себе выдвижение версий, — писал он, — еще не имеет практического значения и не влечет никаких последствий. Поэтому и теоретические основы процесса выдвижения версий не могут играть роли самостоятельной теории, ибо отражают лишь одну — начальную — фазу процесса умозаключений субъекта выдвижения версии. Вслед за выдвижением версии идет фаза выдвижения из версии всех необходимых следствий, а это уже определение “опорных пунктов” исследования, т. е. элемент его планирования. Затем — определение подлежащих проведению следственных, судебных, оперативно-розыскных действий и т. д.» [3: с. 351–352].

Комментируя данное основание включения вопросов версии совместно с вопросами планирования в единое для них учение, следует заметить, что в определении всего процесса судебного исследования преступлений выдвижение версий не может не иметь практического значения, ибо именно версия является объектом криминалистического анализа, проводимого в целях выведения из нее логических допущений (следствий) и определения круга вопросов (опорных пунктов), которые необходимо выяснить. И в этом аспекте выдвижение версий является самостоятельной фазой в определении процесса исследования по уголовному делу. Следовательно, понятие версии и ее значение в этом процессе вполне могут быть исследованы в рамках самостоятельного теоретического построения.

Между прочим, в таком же качестве может быть рассмотрена и следственная ситуация, которая в данном процессе обуславливает постановку задач, требующих первоочередного решения, выдвижение необходимых версий и в конечном счете принятие тактического решения и выбор тактики конкретных следственных действий. Именно такое значение оценке следственной ситуации придает и сам Р.С. Белкин, который писал: «Ее оценка (следственной ситуации. — С. Ч.) реализуется именно в тактическом решении, получающем свое внешнее выражение в планировании расследования» [4: с. 138]. Однако теория следственной ситуации разрабатывается самостоятельно, отдельно от учения о криминалистической версии и планировании судебного исследования, и это обстоятельство не вызывает сомнений у криминалистов.

Вызывает определенные возражения и другое обоснование единства учения о версии и планировании судебного исследования. По мнению Р.С. Белкина, «признавая версию “основой”, “ядром”, “направляющим началом” и т. п. планирования судебного исследования, мы не можем отрывать теорию этой “основы”, этого “ядра” от теории его “оболочки”, т. е. теории планирования судебного исследования, ибо в противном случае теория планирования лишится своих исходных положений, окажется выхолощенной и низведенной до уровня совокупности прагматических положений» [3: с. 352]. Анализируя этот тезис, следует прежде отметить, что рассмотрение версий по отношению к планированию в качестве «основы», направляющего «начала» не равнозначно рассмотрению ее в качестве «ядра». В первом случае версия лежит вне плана

исследования, во-втором — внутри его. Рассмотрение версии в ранге «ядра» плана исследования привело к ошибочному, на наш взгляд, утверждению, что теория версии образует содержание теории планирования, коль скоро теорию «ядра» невозможно оторвать от теории его «оболочки».

Полагаем, не приводит к однозначному выводу о единстве теоретических основ версии и планирования судебного исследования и системно-структурный анализ этих понятий. «Определяя направление всего процесса судебного исследования и его составных частей, — указывал Р.С. Белкин, — обуславливая это направление логически, версия тем самым служит *логическим обоснованием* (курсив наш. — С. Ч.) содержания плана расследования, плана судебного следствия и т. п., его исходной посылкой (заметим: не «ядром», не элементом плана. — С. Ч.). Образуется единая, неразрывно связанная система: объяснимое (наличные фактические данные) — объяснение (версия) — гипотетическая система необходимых аргументов объяснения (следствия из версии) — доказательство или опровержение объяснения (установленные фактические данные). Ни одно звено в этой системе не функционирует в отрыве от других звеньев и не может быть теоретически объяснено изолированно от них ни гносеологически, ни функционально» [3: с. 352]. В этой системе начальным звеном является объясняемое (наличные фактические данные), а конечным — установленные фактические данные, которые характеризуют следственную ситуацию. Однако теоретические основы следственной ситуации не входят в учение о криминалистической версии и планировании судебного исследования. Сам автор концепции единства версии и планирования в рамках этого учения не исключает возможности отдельного исследования частей указанной системы: «Это, разумеется, не означает, — пишет он, — что при исследовании одного из элементов системы невозможно абстрагироваться от остальных» [Там же].

По нашему мнению, правы те авторы, которые, определяя сущность планирования, полагают, что содержание планирования заключается в определении наиболее эффективных способов решения стоящих перед субъектом доказывания задач. Однако данную позицию по этому вопросу разделяют далеко не все криминалисты. Так, Р.С. Белкин, определяя содержание планирования, относит к нему следующие элементы: 1) анализ исходной информации; 2) выдвижение версий и определение задач расследования; 3) определение путей и способов решения поставленных задач; 4) составление письменного плана и иной документации по планированию расследований; 5) контроль исполнения и корректировка плана расследования [9: с. 3; 1: с. 9].

К данной системе элементов планирования отнесены уже условия планирования расследования, которые, по мнению Р.С. Белкина, имея право на существование, заключаются в следующем: 1) наличие исходной (хотя бы минимальной) информации; 2) оценка сложившейся в момент планирования следственной ситуации и прогнозирование ее будущих изменений в результате планируемых действий; 3) учет реальных возможностей, средств и методов достижения планируемых целей [3: с. 381]. По существу, эти условия планирования сводятся

к анализу (оценке) следственной ситуации в конкретном акте расследования. Помимо этого к системе элементов планирования отнесены контроль исполнения и корректировка плана расследования, которые, разумеется, сопряжены с практической реализацией запланированных следственных и иных действий и этапами планирования.

Становится вполне очевидным расширительное теоретическое представление об элементах планирования расследования, которое выходит за рамки учения о криминалистической версии и планировании судебного исследования.

Система элементов планирования, предложенная Р.С. Белкиным, состоит из следующих частей: 1) условий планирования; 2) основы планирования; 3) самого планирования; 4) реализации плана расследования. Хотя сам автор предложенной им концепции планирования, ссылаясь на мнение Л.Д. Драпкина [8], констатировал: «Планирование всегда должно исходить из оценки существующей следственной ситуации и учитывать ее возможные изменения в будущем как в результате реализации намеченного плана расследования, так и в результате действий противостоящей следователю стороны, если налицо конфликтная ситуация» [3: с. 381].

Такой подход к определению содержания планирования требовал поиска общего понятия по отношению к понятиям «условия планирования», «основа планирования», «планирование судебного исследования», «реализация плана», «этапность планирования». Сведение этих понятий воедино означает конструирование универсального (общего) метода практической деятельности следователя, суда и применяемого во всех случаях при судебном исследовании преступлений. Гениальность разработчика общей теории криминалистики Р.С. Белкина заключается, в частности, в том, что он в созданной им системе элементов планирования увидел именно такой метод. Вот как он схематически описывал процесс расследования: «К следователю поступает сообщение о событии, требующем расследования. Он анализирует эту исходную информацию, чтобы получить хотя бы ориентировочное представление о том, с чем ему предстоит иметь дело. Составив приблизительное представление о событии и руководствуясь типичными версиями и другими данными криминалистической характеристики вероятного преступления, он проводит первоначальные следственные действия, соотнося их круг и последовательность со своими знаниями о следственной ситуации, сложившейся к началу расследования. Затем собранную информацию вновь анализирует, составляет развернутый план дальнейшего расследования на базе выдвинутых по уточненным данным общих и частных версий и реализует этот план. В сущности, весь процесс расследования состоит из перемежающихся актов анализа имеющейся информации, выбора соответствующих этой информации приемов и средств работы с доказательствами и их применения» [3: с. 430].

Данные рассуждения о процессе расследования, как оказалось, полностью укладываются в философскую формулу общего пути познания объективной действительности: «от живого созерцания к абстрактному мышлению

и от него — к практике», объяснение которого в криминалистических целях привело к формированию общего (универсального) метода судебного исследования преступлений.

Исследованию проблемы данного метода нами посвящены докторская диссертация [15] и соответствующие ей многочисленные литературные работы [14; 16], которые доступны для ознакомления специалистам, занимающимся разработкой проблем криминалистической методики. По этой причине мы ограничились лишь упоминанием этих работ. Здесь же наша задача состоит в том, чтобы показать, что учение о данном методе всецело охватывает собой учение о криминалистической версии и планировании судебного исследования, является по отношению к нему в общей теории криминалистики теоретическим построением первого порядка. Более того, мы приходим к выводу о том, что оно с приобретением статуса подчиненности по отношению к учению об общем методе судебного исследования утрачивает и статус самостоятельного учения, распадаясь на два самостоятельных теоретического построения, положения которых образуют, соответственно, учение о криминалистической версии и учение о планировании судебного исследования, находящихся друг с другом в понятии указанного метода в структурно-функциональном отношении.

В данном случае разработка учения об общем методе судебного исследования преступлений приводит не только к изменению его связей с учением о криминалистической версии и учением о планировании судебного исследования, но и к включению в его состав множества других теоретических построений: следственной ситуации, криминалистической характеристики механизма аналогичных преступлений, криминалистических характеристик деятельности по судебному исследованию преступлений, принципов формирования частных методик расследования и судебных частных криминалистических методик.

Таковы наши представления о пополнении системы частных криминалистических теорий новым криминалистическим учением — учением об общем методе судебного исследования преступлений.

Первоначально проблема общего метода ставилась Р.С. Белкиным и разрабатывалась его учеником, автором этих строк, применительно к раскрытию и расследованию преступлений [4: с. 422–434]. По мере развития учения о данном методе стало ясно, что он как метод практической деятельности имеет универсальное значение, применим как при расследовании преступлений, так при судебном разбирательстве уголовных дел. В этом можно убедиться, если вспомнить изложенные Р.С. Белкиным положения, составляющие содержание учения о криминалистической версии и планировании судебного исследования. В этом учении идет речь о версии и планировании, относящихся к совокупности указанных видов деятельности. Вот как представлял Р.С. Белкин систему элементов поэтапного планирования судебного следствия, которая ничем не отличается от системы элементов поэтапного планирования расследования: «**I этап.** 1) анализ имеющейся исходной информации (материалов дела) под углом зрения доказанности версии обвинения и выявления

оснований для контрверсии; 2) определение опорных пунктов версии обвинения, т. е. доказательств, на которых она основывается, что равносильно выделению тех из них, которые подлежат исследованию в судебном заседании; 3) определение круга необходимых судебных действий; 4) составление письменного плана судебного следствия со всей требуемой дополнительной документацией. **II этап.** 1) анализ собранной в ходе судебного следствия дополнительной информации; 2) выдвижение новых судебных версий и определение задач и их исследования; 3) оценка возможности проверки новых версий непосредственно самим судом; 4) определение необходимых судебных действий; 5) внесение коррективов и дополнений в план судебного следствия» [3: с. 386–387].

В своей логической основе принятие и реализация решения в ходе судебного следствия, как видно, идентичны принятию и реализации решения при расследовании преступлений. Именно по этой причине в системе частных криминалистических теорий Р.С. Белкин выделял самостоятельное учение — учение о криминалистической версии и планировании судебного исследования, которое в нашем представлении, разделяясь на две самостоятельные подсистемы, входит в новое теоретическое образование — учение об общем методе судебного исследования преступлений.

Литература

1. *Антипов В.П.* Планирование расследования в проблемных ситуациях. М.: Юрид. лит., 1983. 116 с.
2. *Александров Г.Н.* Версия // Соц. законность. 1959. № 10. С. 26–29.
3. *Белкин Р.С.* Курс криминалистики в 3 т. Т. 2. М.: Юристъ, 1997. 464 с.
4. *Белкин Р.С.* Курс криминалистики в 3 т. Т. 3. М.: Юристъ, 1997. 480 с.
5. *Братковская В.В.* Построение версий и планирование расследования по делам о хищении в торгующих организациях // Советская криминалистика на службе следствия. 1958. Вып. 11. С. 103–123.
6. *Васильев А.Н.* О тактике следствия // Советская криминалистика на службе следствия. 1956. Вып. 7. С. 136–152.
7. *Громов Вл.* Методика расследования преступлений. М., 1929. 49 с.
8. *Драпкин Л.Я.* Основы теории следственных ситуаций. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1987. 164 с.
9. *Дубровицкая Л.П., Лузгин И.М.* Планирование расследования. М.: Высшая школа МВД СССР, 1972. 54 с.
10. *Колесниченко А.Н.* Роль следственных версий и построение их при расследовании преступлений // Ученые записки Харьковского юрид. ин-та. 1957. Вып. IX. С. 163–171.
11. Криминалистика. М.: Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1935. 472 с.
12. Криминалистика. Техника и тактика расследования преступлений. М.: Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1938. 538 с.
13. *Пионтковский А.А.* К вопросу о теоретических основах советской криминалистики // Советская криминалистика на службе следствия. 1955. Вып. 6. С. 344.
14. *Чурилов С.Н.* Проблемы общего метода расследования преступлений. М.: ВАЭФФиПр, 1993. 260 с.

15. *Чурилов С.Н.* Криминалистическое учение об общем методе расследования преступлений: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1995. 33 с.

16. *Чурилов С.Н.* Методика расследования преступлений: общие положения. М.: ЗАО Юстицинформ, 2009. 232 с.

Literatura

1. *Antipov V.P.* Planirovanie rassledovaniya v problemny'x situatsiyax. М.: Yurid. lit., 1983. 116 s.

2. *Aleksandrov G.N.* Versiya // Soc. zakonnost'. № 10. 1959. S. 26–29.

3. *Belkin R.S.* Kurs kriminalistiki: v 3 t. T. 2. М.: Yurist", 1997. 464 s.

4. *Belkin R.S.* Kurs kriminalistiki: v 3 t. T. 3. М.: Yurist", 1997. 480 s.

5. *Bratkovskaya V.V.* Postroenie versii i planirovanie rassledovaniya po delam o xishhenii v torguyushhix organizatsiyax // Sovetskaya kriminalistika na sluzhbe sledstviya. 1958. Vy'p. 11. S. 103–123.

6. *Vasil'ev A.N.* O taktike sledstviya // Sovetskaya kriminalistika na sluzhbe sledstviya. 1956. Vy'p. 7. S. 136–152.

7. *Gromov V.I.* Metodika rassledovaniya prestuplenii. М., 1929. 49 s.

8. *Drapkin L.Ya.* Osnovy' teorii sledstvenny'x situatsii. Sverdlovsk: Izd-vo Ural. un-ta, 1987. 164 s.

9. *Dubrovickaya L.P., Luzgin I.M.* Planirovanie rassledovaniya. М. Vy'sshaya shkola MVD SSSR, 1972. 54 s.

10. *Kolesnichenko A.N.* Rol' sledstvenny'x versii i postroenie ix pri rassledovanii prestuplenii // Ucheny'e zapiski Xar'kovskogo yurid. in-ta. 1957. Vy'p. IX. S. 163–171.

11. Kriminalistika. М.: Yurid. izd-vo NKYu SSSR, 1935. 472 s.

12. Kriminalistika. Texnika i taktika rassledovaniya prestuplenii. М.: Yurid. izd-vo NKYu SSSR, 1938. 538 s.

13. *Piontkovskij A.A.* K voprosu o teoreticheskix osnovax sovetskoj kriminalistiki // Sovetskaya kriminalistika na sluzhbe sledstviya. 1955. Vy'p. 6. S. 344.

14. *Churilov S.N.* Problemy' obshhego metoda rassledovaniya prestuplenii. М.: VAE'FFiPr, 1993. 260 s.

15. *Churilov S.N.* Kriminalisticheskoe uchenie ob obshhem metode rassledovaniya prestuplenii: avtoref. dis. ... d-ра юрид. наук. М., 1995. 33 с.

16. *Churilov S.N.* Metodika rassledovaniya prestuplenii: Obshhie polozheniya. М.: ЗАО Юстицинформ, 2009. 232 с.

S.N. Churilov

On the New Practice in the System of Private Forensic Theories

The article is devoted to innovative theoretical education in the system of private forensic theories i.e. the doctrine of the universal method of judicial investigation of crimes, which according to the author, is a "first order" doctrine in relation to the doctrine of forensic version and planning a judicial study. The relationship of these teachings is also considered.

Keywords: universal method of judicial research; forensic version; planning, correlation.